

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 070.1(571.54)

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-58-67

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСА: ОТ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА КУЛЬТУРЫ К СИНХРОННОМУ ДИСКУРСУ

© *Сибиданов Баир Борисович*

кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и рекламы,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: sibibair@mail.ru

В центре внимания — функционирование прецедентного культурного текста и синхронных дискурсов. Утверждается, что прецедентный культурный текст основан на переосмыслении известного культурного явления с точки зрения современности. Это изменение означает развитие диахронного дискурса, который возник в историческом пространстве культуры. Диахронные дискурсы поддерживают культурную идентичность человека. Их функционирование связано с развитием национальных моделей мышления и восприятия реальности. Синхронные дискурсы используют прагматические механизмы интертекстуальности. Они не затрагивают прецедентного текста, но используют его для повышения собственного статуса и влияния. Нередко механизмы развития синхронных дискурсов напоминают прецедентные механизмы. Например, тексты республиканского издания «Номер один» оформлены в статичную модель послания массовой аудитории, которая является для авторов публикаций своеобразным образцом, напоминающим прецедентный текст.

Ключевые слова: дискурс, прецедентный культурный текст, синхронный дискурс, диахронный дискурс, культурный образец.

Как известно, категорию «прецедентный текст» и его характеристики разрабатывал Ю. Н. Караулов. В частности, он включал в прецедентные тексты «тексты, (1) значимые в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Именно это определение является для большинства исследователей основополагающим. Таким образом, прецедентный текст (прецедентный феномен) связывается с общеизвестностью текста, ситуации, события и т. д. (о возможных вариантах прецедентных феноменов писала И. В. Высоцкая [1]). Очевидно, эта сторона является релевантной при понятийном разграничении прецедентного текста и интертекстуального феномена, суть которого — «актуализация межтекстовых связей языковой единицы при ее смысловом развертывании в

новом контексте» [3, с. 167]. Подчеркнем, что при рассмотрении социальной специфики речевого употребления в интертекстуальности важна именно вся «языковая единица» (или даже «речевая единица»), а не только ее семантический инвариант. С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой интертекстуальность как феномен актуализации межтекстовых связей находится в границах исключительно «кода культуры» [6], в то время как прецедентный феномен (например, рекламный слоган) имеет опасность кануть в Лету еще при жизни одного поколения.

В этом смысле точка зрения Н. А. Кузьминой, скорее всего, не найдет большого числа последователей, поскольку в функционировании дискурса значительную роль играет контекст. А он, в свою очередь, и представляет собой ту самую актуализацию межтекстовых связей, которая и составляет интертекстовый феномен. При этом в собственно лингвистическом понимании он не обязательно должен быть известным, чтобы развернуться в новом контексте. Речь идет не столько о прецедентности, сколько о внутренних механизмах развития дискурса, который может включать, а может и не включать в себя прецедентные феномены. Исходя же из логики Н. А. Кузьминой, любой дискурс уже есть феномен идеальных образцов словоупотребления, которые смело можно приравнивать к произведениям, например, классической русской литературы. И все же позиция Н. А. Кузьминой имеет последствия при рассмотрении дискурсов, зависимых от прецедентных феноменов.

В этом смысле следует разграничивать категории интертекстуальности как диахронного механизма развития дискурса и прецедентных текстов культуры. Именно последние характеризуются отношениями с прецедентным полем современного словоупотребления и, на наш взгляд, являются тем понятием, которое можно было бы заменить понятием интертекстуальности, используемым Н. А. Кузьминой.

Вообще говоря, прецедентные тексты — образцы речи, организующие вокруг себя смыслы, актуальные для носителей современных дискурсов, это «узлы рыболовной сети» [2, с. 56], от которых зависит определенный этап развития дискурса. Существует отличие в функционировании обычных прецедентных феноменов от прецедентов культуры, которые при своем проявлении-зарождении приобретают отпечатки коммуникативных ситуаций, характерных для данной речевой эпохи. Это связано с когнитивным характером реализации прецедентного текста, процессами символизации, которые активируют не сам текст, а лишь его инвариант [5, с. 8]. В результате смысловое прецедентное поле современности становится фильтром для текстов культуры: оно пропускает в активное поле дискурса лишь те смыслы, которые актуальны для современников. Вот, например, как интерпретируется образ Лопахина из «Вишневого сада» в 2006 г., когда в памяти людей были живы 1990-е с их нравственным надломом, сменившимся мировоззрением и «новыми русскими» хищниками:

«Лопахин — купец, нувориш (богач в первом поколении). Все прикидывался другом семьи, подкидывал помаленьку...

РАНЕВСКАЯ. Ермолай Алексеич, дадите мне еще займы!

ЛОПАХИН. Слушаю.

...а потом — прав Петя — хищник взял верх, улучил момент и — хапнул; все оторопели.

РАНЕВСКАЯ. Кто купил?

ЛОПАХИН. Я купил! Эй, музыканты, играйте! Я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопухин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь! Музыка, играй отчетливо! Пускай всё, как я желаю! За всё могу заплатить! Вишневый сад мой! Мой!

Правильно Гаев брезгливо говорит о Лопухине: «Хам». (Странно, что Эфрос на роль хама-купца взял Поэта — Высоцкого — грубияна с тончайшей, звенящей душой.)

Лопухин простодушно признается:

ЛОПАХИН (*горничной Дуняше*). Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул... (*Гаеву и Раневской*). Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал... В сущности, и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался.

Нередко богач говорит о книгах с презрением, свысока. Бравирует: «читал и не понял» — звучит так: мол, чепуха все это.

Лопухин — хищник! Сперва, конечно, изображал заботу, сопереживал, а потом раскрыл себя — хапнул и в угаре куражился: приходите, мол, поглядеть, как хвачу топором по вишневому саду».

(Александр Минкин. Не отчаивайтесь, мои дорогие, выход есть! // Номер один. 2006. 18–25 янв. С. 30).

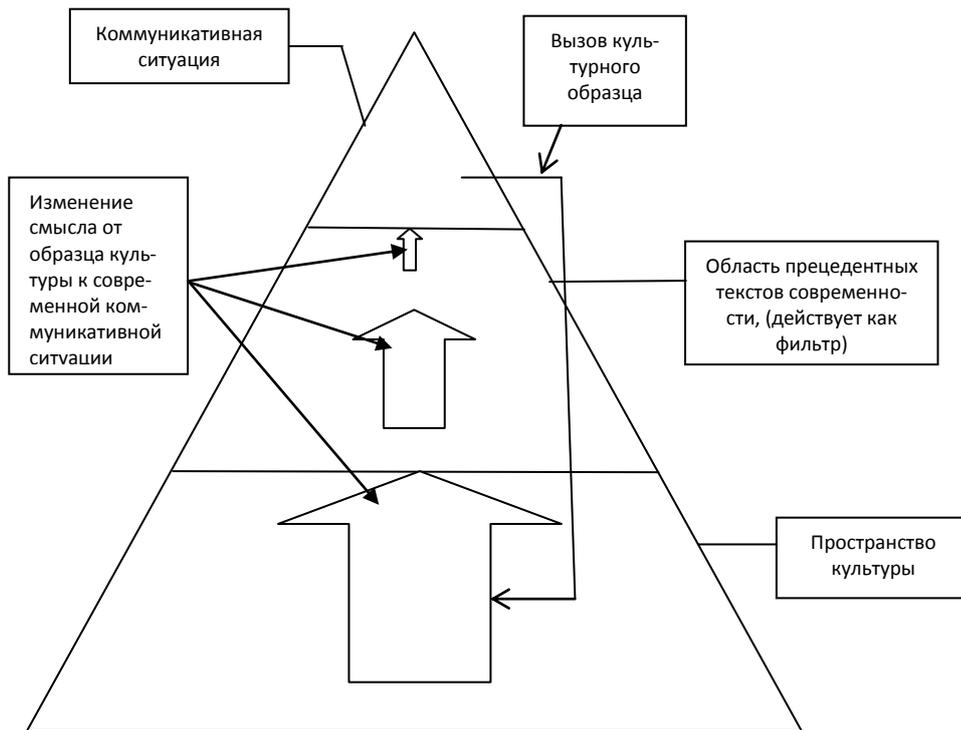
Как видим, оценка, которую выносит автор материала чеховскому герою, основана исключительно на материально-бытовом прочтении «Вишневого сада». Словно это не художественное произведение, а рассказ о реальных событиях, произошедших с реальными современниками. В целом этот пример весьма показателен. Его появление в региональной прессе вызвано необходимостью переоценки человеческих отношений в новом мире дикого капитализма. Идеологию наступившего времени можно выразить фразой: «Все нематериальное стало несущественным». С этих позиций и выносятся оценки героям произведения А. П. Чехова. Такой идеологией предлагается руководствоваться и читателям газеты, но не столько при анализе художественного произведения (к которому большинство равнодушно), но в реальной жизни. Обратим внимание, что статья не призывает становиться «хищниками», а напротив — распознавать и выносить им соответствующий моральный приговор, невзирая на духовные переживания и прочие умозрительные философствования.

Кроме того, обратим внимание на то, что интерпретация «Вишневого сада» появляется в региональном печатном издании. Очевидно, что, например, та же «Литературная газета» вряд ли допустила бы подобную оценку произведения. Само дискурсивное пространство региональной газеты имеет уже сформированные мировоззренческие оценки, и хотя они не являются абсолютно едиными для всех авторов и читателей издания, их совокупная эмоционально-ценностная ориентация исключает присутствие эстетическо-

го критерия оценки. По этой причине любая позиция автора материала по тому или иному произведению художественной литературы будет воспринята аудиторией газеты как вполне естественная (если только не будет содержать явного эпатажа и противоречия с общепринятым отношением к художественному образцу). Это произойдет потому, что основное проблемное поле, в котором находится и автор, и читатель подобной газеты, располагается достаточно далеко от проблематики художественного произведения. Таким образом, текст, появившийся в республиканской газете, стоит особняком и к региональному печатному дискурсу, и к литературоведческому, имея с тем, и с другим лишь общие границы.

Отсюда мы можем предположить дискурсивную зависимость прецедентного текста и культурных образцов. Последние способны проявляться лишь в эстетически ориентированном дискурсивном пространстве. Прецедентный же текст обладает большей универсальностью и бытовой пластичностью и имеет дело со всеми текстовыми феноменами. В частности, феномен интертекстуальности, основанной на использовании культурного образца, не может быть рожден региональным медиадискурсом (во всяком случае в том виде, в котором он функционирует сейчас) (схема 1).

Схема 1

Таким образом, категории прецедентного текста и прецедентного текста культуры имеют собственные «места проживания». Границы их соприкос-

новения — это границы между «культурными образцами» и обыденным словоупотреблением. Основной единицей в данном случае выступает коммуникативная (речевая) ситуация, вызывающая в активное поле словоупотребления прецедентные тексты. В число прецедентных текстов входят и культурные образцы, которые залегают глубже, и они меньше связаны с ситуациями, в которых реализуется современная речевая деятельность людей.

Но их вызов из пластов культуры обусловлен причинами, связанными с реальностью, в которой находится современник. При этом социальная ситуация, породившая культурный образец, не может абсолютно совпадать с социальной ситуацией современника, поэтому в результате «вызова» классического образца происходит неизбежное переосмысление смысла изначального произведения.

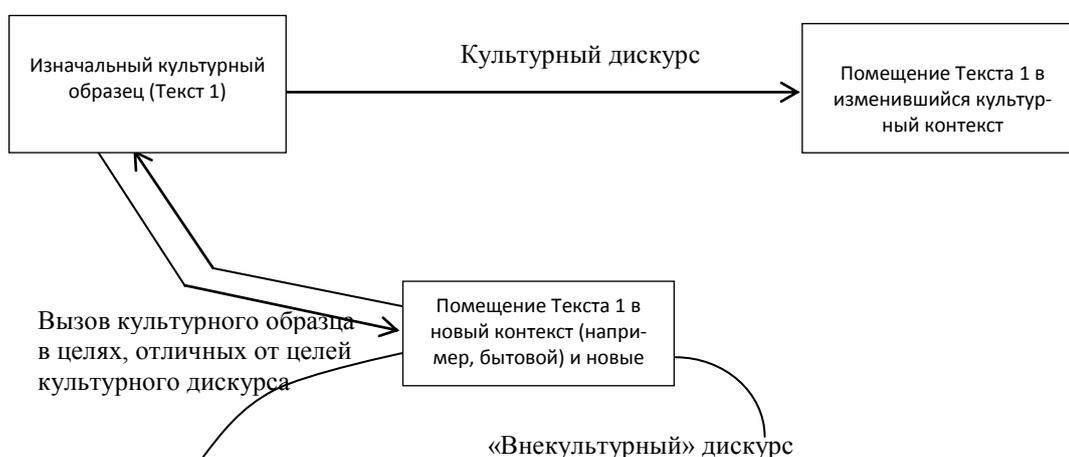
Более того, например, рекламный текст, активно использующий классические изречения, и вовсе находится в иной плоскости социального смыслопорождения. Е. В. Юрьева рассматривает такое обращение к классике как обращение к простому прецедентному феномену [9]. Действительно, в рекламном дискурсе не может быть культурного дискурса. Продвижение товара как цель этого вербального медиатипа исключает дискурсивные отношения с теми смыслами, которыми оперирует художественное произведение. Перед нами явное социальное снижение классических образцов, которые используются в нарочито утилитарных целях. Поэтому и говорить, что мы имеем дело с культурным дискурсом, было бы ошибкой. Столкновение классического текста с ситуацией продажи товара или услуги рассчитано на игровое восприятие феномена. Рассмотрим пример: «Рекламная Щука, используя в слогане цитату из русской народной сказки, говорит потребителям: “По щучьему велению, по моему хотению — средство заморское Квикс”» [9, с. 63]. Рекламное «переосмысление» фрагмента сказки не ставит перед собой выявления какого-то глубокого смысла, способного изменить наши представления о современных аналогичных ситуациях, а лишь переводит внимание с художественной реальности на реальность бытовую, сообщая рекламируемому товару необходимую энергию в продажах. Таким образом, мы можем говорить о различных ролях, которые играют те или иные ситуации при обращении к культурным образцам. В одних случаях происходит дискурсивное столкновение смыслов, разворачивается борьба за место в узловой точке «рыболовной сети», в другом случае — лишь констатация этого смысла, формальное приобщение к нему и использование в целях, слабо связанных с ситуацией, в которой возник культурный образец.

Вообще говоря, ситуация зависит от роли прецедентного текста в конкретном дискурсе. Если текст является частью дискурса, то он формирует и формируется последующими текстами, например, в литературоведческом тематическом поле тема «маленький человек» формируется несколькими образами русской литературы XIX в., отразившимися в текстах произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова. Очевидно, тексты культуры формируют собственные «вечные» дискурсы, создавая феномены культурной интертекстуальности. В тех случаях, когда текст —

культурный образец — помещается в инородный дискурс, то дискурсивного изменения не возникает, трансформироваться может лишь дискурс, использующий «чужой прецедент» (и то, очевидно, в области формальной структуры).

Описанная ситуация проявляет важнейшее свойство культурного образца в междискурсивном взаимодействии: культурный образец как прецедентный феномен, являясь органическим продолжением и развитием того дискурса, в котором он возник, вместе с тем распространяет свое влияние и на смежные дискурсы, не связанные с образцом генетически (схема 2).

Схема 2

Пространство дискурсов культурных образцов, таким образом, прецедентно и обладает большой энергией становления дискурсов, которая распространяется на множество национальных типов речи, так или иначе участвуя в их развитии и распространении. Все это позволяет говорить о том, что все дискурсы стремятся попасть в это пространство. Для современных речевых коммуникативных типов это своеобразный «шаг в бессмертие». С другой стороны, изначальная коммуникативная ситуация, породившая тот или иной культурный текст, принципиально отлична от коммуникации, возникающей в современном мире. В этом смысле дискурс культурного прецедента и дискурс современности, использующий образец, также разнородны.

Тем не менее дискурсы классических прецедентов живы, несмотря на то, что породившие их условия вроде бы канули в лету. В противном случае прецеденты в значительной степени потеряли бы свое содержание, перейдя в разряд формальных дискурсивных образований с потерей изначального смысла (подобно фразеологизмам, например, «гол как сокол»). Иначе говоря, вместе с прецедентным образцом сохраняется и коммуникативная ситуация, и связанный с ними некий классический дискурс, имеющий диалекти-

ческие взаимосвязи с современными коммуникативными типами речи. При этом последние обусловлены действием социальных условий и социальных целей, которыми руководствуется в своей повседневной жизни современник. С классическими же дискурсами связано развитие «вечных тем» культуры, которое волнует людей независимо от исторических эпох и социальных изменений. Учитывая вневременной характер последних, имеет смысл их характеризовать как *диахронные дискурсы*, в меньшей степени зависящие от социальных факторов, чем *синхронные дискурсы*, чье функционирование связано с социальной реальностью и перманентно возникающими социальными целями.

Диахронные дискурсы имеют длительную историю, отражают духовное развитие общества и связаны с той или иной эпохой классического прецедентного текста, оставившего свой след в культуре и отразившегося на национальном характере этноса. Стремление социальных типов речи (синхронных дискурсов) использовать прецедентные тексты в своем становлении и развитии в этой перспективе не случайно. Мы полагаем, что диахронные типы речи являются стержнем развития всех национальных дискурсов. Приобщение к ним приводит к «национальной идентификации» синхронных дискурсов, позволяет носителям ощутить собственное культурное пространство, национальный дискурсный дом, причастность к духовным стержням, на которых зиждется мироощущение личности.

Это значит, что прецедентный текст культуры обязательно должен присутствовать в любом диахронном дискурсе, доказывая его состоятельность и утверждая модели речевого поведения, характерные для данной социальной области и данного этноса. Поэтому роль культурного прецедента в функционировании дискурса сложно переоценить. Он становится в определенной степени идеальным текстом, на который ориентируется вся последующая традиция, извлекая из него те смыслы, которые возникают в результате диалога эпохи и культурного образца. Такой текст становится стержнем, основанием всего дискурса, моделью речевого поведения в пространстве культуры.

В связи с этим возникает вопрос о том, как формируется и функционирует дискурс вне прецедентных феноменов, т. е. синхронный дискурс. На наш взгляд, проблема функционирования синхронных дискурсов лежит не в плоскости семантики, а в плоскости прагматики и синтактики. Важна не мысль, которая стоит за текстом, а способ трансляции текста. Для функционирования, например, медиадискурса важна не конкретная статья и ее интерпретация авторами в последующем, а сам способ обращения с фактическим материалом, в результате которого аудитория имеет возможность оперативно и с надлежащим качеством получить и усвоить наиболее важные сведения о мире и происходящих в нем событиях.

Однако и в этом случае интертекстуальность как движущий механизм развития дискурса опирается примерно на те же механизмы, что и с ярко выраженным прецедентным текстом (ситуацией, событием и т. д.). В частности, развитие тематического дискурса предполагает единство (извест-

ность) как минимум героя публикации. Например, дискурс обличения в адрес Анатолия Хориноева [7] не смог бы реализоваться, если б его имя не стало для массовой аудитории (пусть и всего на некоторое время) прецедентным (о степени прецедентности того или иного явления писал Г. Г. Слышкин [8]). И уже после этого условия каждая последующая публикация получает возможность развития темы, т. е. формирования нового контекста к прецедентному имени.

С другой стороны, функционирование, например, таблоидного дискурса вовсе не требует обязательного прецедентного имени, ситуации, события и т. д. В основе его развития не семантический аспект (что произошло и какой смысл за этим стоит), а прагматический (как нужно построить текст, чтобы газету купили). Прагматически ориентированные дискурсы больше ориентированы на текстовую форму представления смысла, чем на сам смысл. Например, новостной дискурс — это не представление конкретного события, а совокупности событий за определенный промежуток времени, в котором важен способ представления фактического материала («перевернутая пирамида», например).

Хотя и в этом случае образ прецедентного феномена присутствует (в данном случае мы наблюдаем реализацию интертекстовых связей). В частности, дискурс региональной газеты основан не только на конкретных текстах, но и на оформлении издания, значительным элементом которого является облик первой страницы. Именно она выполняет роль прецедентного текста, постоянно обновляющегося, но тем не менее повторяющего однажды заданный смысловой посыл, адресованный своему читателю. В этом и заключается сходство в механизмах функционирования прецедентного текста и интертекстуального феномена.

Так, облик региональной газеты «Номер один» на первой странице издания связан с ограниченным набором семантических элементов: это крупная фотография, иллюстрирующая главный материал номера, логотип с избытком красного цвета и анонсы, часть которых обязательно имеет вызывающее содержание. Первая страница, таким образом, играет роль прецедентного текста, на который будут ориентироваться последующие номера таблоида. Этот прецедент носит в определенной степени формальный характер: содержание публикаций является лишь семиотической массой, заполняющей однажды заданную форму. Прагматические характеристики таблоидного контента почти не меняются, форма определяет требования к контенту, который может быть размещен в издании.

Например, в одном из номеров издания газеты «Номер один» содержатся следующие заголовки: «Город, который убивает. *Безопасность улан-удэнцев под угрозой.* С. 11»; «Нищета: профессия или безысходность? *На паперть идут не только обездоленные.* С. 7»; «Задержан подозреваемый в изнасиловании 13-летней девочки. С. 13»; «Кукла с человеческим лицом. *Улан-удэнка мастерит копии людей.* С. 9»; «Семейная история бизнес-депутата Хурала. *Сергей Цыдыпов и “СТАМстрой” попали в новый скандал.* С. 6»; «Свобода слова по-улан-удэнски. *На улицах города процветают экс-*

тремизм, маты и любовь. С. 17» («Номер один» от 14 октября 2015 г.). Сочетание фото, заголовков и агрессивного цвета логотипа оформляет общее послание страницы, которое можно выразить примерно следующим образом: «Посмотри, как безобразна наша жизнь!». Как вариант могут быть реализованы другие послания, имеющие общую интенцию, например: «Жизнь вокруг нас безобразна. Но посмотри, как это интересно!». Этот смысловой посыл каждый раз помещается в новый событийный контекст. В соответствии с определением интертекстуальности перед нами семантическая единица, которая разворачивается в новом смысловом контексте.

Таким образом, можно говорить о том, что диахронные и прецедентные дискурсы основаны на семантическом поле речевой единицы, в то время как синхронные дискурсы используют в своих механизмах становления прагматические конструкты.

Литература

1. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1(18). С. 117–137.
2. Йоргенсен М. Й., Филипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. 2-е изд. испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
3. Иноземцева Н. В. Прецедентность и интертекстуальность как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике) // Известия Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, вып. 3–1. С. 167–169.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Красных В. В. Виртуальная реальность, или Реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
6. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения)
7. Сибиданов Б. Б. Особенности становления и развития обвинительного печатного дискурса «Хориноев» в 2011 г. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 10(2). С. 133–140.
8. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 288 с.
9. Юрьева Е. В. Прецедентные тексты в современных слоганах // Русская речь. 2012. № 6. С. 62–67.

FUNCTIONING OF DISCOURSE: FROM PRECEDENT CULTURAL TEXT TO SYNCHRONOUS DISCOURSE

Bair B. Sibidanov

PhD in History, A/Professor, Department of Journalism and Advertising, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article deals with the functioning of precedent cultural text and synchronous discourses. We suggest that precedent cultural text is based on reinterpretation of well-known cultural phenomena from the standpoint of modernity. This change means the development of diachronic discourse which has arisen in historic space of culture. Diachronic discourses support the cultural identity of a person. Their functioning is associated with national models of thinking and perception of reality. Synchronous discourses use pragmatic mechanisms of intertextuality, they do not affect the precedent text, but take it adventures to enhance their own status and influence. Often mechanisms of synchronous discourses development resemble precedent mechanisms. For example, texts of the national edition "Number One" are organized in a static model of messages to the mass audience. For the authors of publications this model is a kind of pattern reminiscent of precedent text.

Keywords: discourse, precedent cultural text, synchronous discourse, diachronic discourse, cultural pattern.

References

1. Vysotskaya I. V. Spornye voprosy teorii pretsedentnosti [Controversial Issues in Theory of Precedence]. *Kritika i semiotika — Criticism and Semiotics*. 2013. No. 1–18. Pp. 117–137.
2. Jorgensen M., Phillips L. J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London: SAGE Publications Ltd, 2002.
3. Inozemtseva N. V. Pretsedentnost' i intertekstual'nost' kak markery angloyazychnogo nauchno-metodicheskogo diskursa (na materiale angloyazychnykh statei po metodicheskoi problematike) [Precedence and Intertextuality as Markers of English Scientific and Methodological Discourse (on the material of English language articles on methodological problems)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN — Proceedings of Samara Scientific Center RAS*. 2010. V. 3–1. V. 12. Pp. 167–169.
4. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Identity]. Moscow: LKI Publ., 2010. 264 p.
5. Krasnykh V. V. *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'?* (*Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya*) [Virtual Reality or Real Virtuality? (Human. Consciousness. Communication)]. Moscow: Dialog-MSU Publ., 1998. 352 p.
6. Kuz'mina N. A. Intertekstual'nost' i precedentnost' kak bazovye kognitivnye kategorii mediadiskursa [Intertextuality and Precedence as Basic Cognitive Categories of Media Discourse]. *Mediascope*. 2011. No. 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/755> (accessed April 18, 2016).
7. Sibidanov B. B. Osobennosti stanovleniya i razvitiya obvinitel'nogo pechatnogo diskursa «Horinoev» v 2011 g. [The Features of Formation and Development of the Published Indictment Discourse "Khorinoev" in 2011]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya — Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2014. V. 10 (2). Pp. 133–140.
8. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: Lingvokul'turnye koncepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow: Academia Publ., 2000. 288 p.
9. Yur'eva E. V. Pretsedentnye teksty v sovremennykh sloganakh [Precedent Texts in Modern Slogans]. *Russkaya rech' — Russian Speech*. 2012. No. 6. Pp. 62–67.